

Я боюсь

Майи Плисецкой

Открытое письмо

Естественно, моя передача о Екатерине Фурцевой должна была Вас задеть, и Вы обратились ко мне с письмом "Кто боится Виталия Вульфа?" через газету "Культура" (4-10 февраля 1999 года). Тон Вашего письма меня не удивил, он в стиле, которым написана Ваша книга "Я, Майя Плисецкая".

Теперь о главном: Вы приводите цитату из своей книги, начинающуюся со слов "Хочу защитить Фурцеву" (стр.352), но Фурцевой в Вашей книге посвящено много страниц: стр.345-347 — рассказ о постановке балета "Кармен" ("Костюм поменяйте. Прикройте, Майя, голые ляжки, это сцена Большого театра, товарищи..."), стр.348-351 ("Фурцева срывается, лицо ее покрывается пятнами. Спектакль жить все равно не будет... Фурцева переходит на крик, плюхается в кресло. "Вы — предательница классического балета", — почти визжит Фурцева"). О бывшем министре культуры написаны стр.383-384 (прием спектакля "Анна Каренина", где проходя достается и Галине Улановой), или стр.458 ("Меняются времена, а рецепты дружбы те же: в баню с Фурцевой, в баню с Раисой Максимовной... Кто следующая попариться? Наина Иосифовна?.."). В книге досталось многим: и живым, и мертвым, даже благороднейшей Елизавете Павловне Гердт, с которой Вы прозанимались почти всю юность. Но не о книге речь.

Поэтому не надо ссылаться на один абзац относительно добрых слов о Фурцевой на стр.352 и удивляться, почему я позволил себе сказать, что Вы написали о ней дурно. Дочь Фурцевой Светлана Петровна переслала мне из Испании, где она теперь живет, кассету со своим рассказом о матери и рассказала мне, что именно к Вам был расположен Фирюбин, и потому Вы — одна из немногих — бывали в доме у Екатерины Алексеевны, в частности, за несколько дней до смерти. Не доверять Светлане Фурцевой у меня не было оснований. Кстати, почти все, с кем мне довелось говорить, подчеркивали, что Фурцева любила и ценила Ваш великий дар и

называла Вас "Маечкой". Сохранившаяся фотография Фурцевой с Вами говорит о многом.

Теперь для Вашего сведения: в США я впервые выехал в 1989 году и потом уже два года, с 1992 года по 1994 год, работал в Нью-Йоркском университете. Поэтому Ваш текст о том, что "это в те-то времена", явно не обо мне. В те года ездили Вы по праву великой балерины, я начал ездить только в "перестроечные времена". Даже когда Теннесси Уильямс пригласил меня через Госдепартамент США (я много переводил его пьес), меня не выпустили за рубеж. Потому все Ваши оскорбительные намеки не по адресу. Но это от незнания.

Вы не любите мои передачи. Наверное, Вы не одиноки, но есть простой способ их не смотреть — выключить телевизор. Однако Вы их явно смотрите, и на Вас "дурное впечатление произвела неуклюжая придумка Вульфа о его откровенном разговоре с Людмилой Власовой, женой Александра Годунова, после ее возвращения". К Вашему сведению: с Сашей Годуновым и Милой Власовой я подружился еще в 1974 году, и они очень часто приезжали ко мне после спектаклей. Более того, когда Саша остался и отмечался мой день рождения, он позвонил мне в Москву поздравить из автомата, к телефону подошел мой друг, директор одного из московских театров, и сразу узнал его голос. Это был его первый звонок в Москву.

Если вы смотрели передачу о Годунове, то видели, что в кадре была Людмила Власова, она присутствовала при съемке этой передачи и в перерыве напомнила мне, что, приехав в Москву, тогда, в 1979 году, единственный, кому позвонил и с кем встретила, — это был я. Вы тоже этого не знали.

Вы устали отбиваться от неправд — тут я могу Вас понять как никто. Вы вспоминаете Маяковского, я — Анну Ахматову: "Так много камней брошено в меня, что ни один из них уже не страшен". Ваш тем более.

Виталий ВУЛЬФ